

Глава 1

*Выбирая из всех людей в мире,
кого вы пригласили бы в гости на обед?*

Надя бросила быстрый взгляд на наручные часы, вгляделась в даль и недовольно ударила каблучком о землю.

— Необходимо придумать десятый круг ада для таких, как ты, Семенова, — желая уколоть, сказала Надя, когда светловолосая хорошенькая девочка в школьной юбке не спеша поднялась на крыльцо школы.

Даша Семенова предпочла промолчать. Она никогда не воспринимала всерьез замечания по поводу своих опозданий, честно признавая, что исправляться не планирует, а расстраиваться из-за постоянных замечаний — никакого жизнелюбия не хватит.

— Теперь еще дядю Вову уговаривать, чтоб впустил, обязательно ведь заставит в журнал опозданий записываться, — продолжила Надя.

Даша постаралась сохранить бодрость духа. Ей было не привыкать к педантизму Нади, но с ее резкостью и стремлением к идеалу во всем

мириться почему-то с каждым годом становилось все труднее.

Девочки вошли в школу и остановились около турникетов, на дисплее которых горели красные кресты. Тут же рядом возник высокий мужчина с седой гривой волос.

— Опоздываете, юные леди? — голос школьного охранника был бодрым, как у человека, утро которого прошло удачно, но девочки знали: бодрость духа совсем не означает снисходительность и доброту.

— Дядя Вовочка, впустите, пожалуйста, мы чуть-чуть совсем опоздали, с автобуса бежали, дядя Вовочка, — замурлыкала Даша.

Надя молчала. Роль ласковой кошечки ей никогда не удавалась. Она могла быть любезной и обаятельной, но только не с тем, чей нос от пьянства краснел, как сломанный светофор посреди школьного коридора.

А Даша мурлыкала и мурлыкала. Охранник сначала смотрел насмешливо, видимо, был твердо уверен, что, несмотря ни на что, на опоздание глаза не закроет, но по мере использования Дашей все более ласковых слов лицо дяди Вовы становилось счастливее. «Боже мой, неужели он верит в эти дифирамбы? — подумала Надя, внимательно изучая неопрятный внешний вид охранника. — А ведь точно пил вчера...» Даше удалось бы умаслить дядю Вову, если бы он вдруг не взглянул на Надю и не увидел на лице ее смесь омерзения и презрения.

— Пишите фамилии и свободны, — сухо сказал дядя Вова, вмиг переменившись в лице, и подтолкнул в сторону девочек толстый журнал, в котором фиксировались опоздания. Даша вписала в последние свободные клеточки свою и Надину фамилии.

Быстро стуча каблучками туфель по школьным плитам, девочки поспешили в сторону кабинета.

— Из-за твоего щебетания, Семенова, мы совсем опоздали, — сказала Надя, откидывая назад длинные темные волосы.

— Да брось, Надюш, что страшного-то? Я только не понимаю, что с дядей Вовой случилось, он меня всегда пропускал без этого дурацкого журнала... Теперь еще и выговор завуча выслушивать!

Надя поджала губы.

— Терпеть не могу опаздывать, — только еле слышно проворчала она.

Наконец они добежали до класса на четвертом этаже.

— Стучи ты, а то у исторички уже моя кукла вуду есть, — попросила Даша, чувствуя, как кулак в животе сжал желудок. Она всегда каким-то понятным только самым непунктуальным людям чувством ощущала, что ее опоздание без последствий не обойдется.

— А ты хоть раз в этом полугодии приди вовремя к первому уроку, — съязвила Надя, а потом сделала глубокий вдох, оправила юбку

и оборвала Дашины мольбы о том, чтобы ее не спросили сегодня: — Все, тихо! Стучу.

Тук-тук: «Извините, можно?»

В кабинете уже стояла тишина, все что-то записывали. Кудрявый одноклассник Паша Ларин стоял у доски и быстро водил мелом по ее поверхности. Историчка, настолько старая и сухая, что ребята шутили, что она не историю преподает, а мемуары читает, сидела за учительским столом и контролировала Пашу. Но, как только Надя осторожно вошла в класс, а за ней робко переступила порог Даша, все взгляды устремились на них.

— Строгановская, проходи садись, ты впервые опоздала, а Семенова останется у доски. Сейчас Ларин допишет, и ты дополнишь его ответ.

Надя услышала, как Даша пискнула. Не помогли молитвы.

Когда Надя села за свою парту, дверь снова открылась, и в кабинет с шаблонным: «Извините за опоздание, можно?» вплыл, чуть не впечатавшись в спину Семеновой, Дима Декабристов.

— Там еще кто-то есть? — сухо спросила историчка.

— Где там? — растерялся Дима. — А, нет, я один! — И расслабленно убрал руки в карманы брюк.

Надя раздраженно подумала: «Ну если опоздал, имей совесть, сделай хотя бы вид, что сожалеешь».

В дверь снова постучали.

— О, а это, наверное, Фонарев, его как раз и нет! — сказала историчка так, что никто уже не сомневался, что она жутко разозлилась.

Дверь открылась, и в кабинет вошла классный руководитель. Она с удивлением оглядела всех собравшихся у доски, а потом повернулась к историчке и сказала:

— Лидия Викторовна, Пашу Ларина директор вызывает, отпустите его, пожалуйста, с урока.

Весь класс затаил дыхание от любопытства. Директор? Хорошего Пашу? Зачем? Историчка вздохнула, покачала головой, давая понять, что не одобряет желания директора, а потом с сожалением произнесла:

— Ладно, Ларин, свободен.

— А эти что? — спросила классная руководительница, указывая на Дашу и Диму, пока Паша убирал учебник и тетрадь в сумку.

— Опоздали.

— Ну я с ними потом разберусь, вы не переживайте. И, Лидия Викторовна, — добавила классная руководительница, обернувшись, — Костя Фонарев ногу сломал, мама позвонила, поэтому вы ему «бэ» поставьте.

Дверь закрылась, и Надя открыла учебник, радуясь, что суматоха наконец закончилась и можно спокойно заниматься.

Паша поправил очки и неуверенно сел перед директорским столом.

— Доброе утро, Паша, — улыбнулся директор и стал что-то искать на столе. — Подожди

минутку, я сейчас. Так, это не то... не то... Вот! Посмотри, ознакомься.

Паша взял тоненький журнал и непонимающе посмотрел на заглавие.

— Конкурс?

— Да, для ребят, интересующихся наукой. Ты же у нас в том году в научной конференции по биологии принимал участие? Да-да, принимал. Я подумал, что и это тебе тоже будет интересно...

— На всероссийском уровне, — перебил его Паша, пробежав глазами по первым страницам, — не думаю, что я что-то толковое...

— Да ты подумай немного, не отказывайся сразу. Приз, знаешь, какой? Место в Гарварде, — увидев, что Паша внимательно слушает, директор продолжил: — За участие не бьют, а вдруг победишь. Престижно! Ты подумай, Паша, подумай.

— Что это должно быть? Что я должен предоставить для участия в конкурсе?

— Исследовательскую работу, не менее тридцати страниц. Тема любая, но главное, чтобы естественные науки.

— А срок какой?

— До конца учебного года, конец июня максимум.

Паша вышел из кабинета и подошел к окну. Мысли у него путались: «Шанс действительно великолепный. Гарвард! Но тридцать страниц за два с половиной месяца?! И экзамены еще.

Участие будут принимать ребята куда толковее меня... — Паша запустил руки в волосы. — Да и родители не одобряют».

Ничего до конца не решив, он пошел к кабинету, где будет следующий урок. Прозвенел звонок. Ученики вывалили из классов. Направляясь к своим одноклассникам, Паша полностью погрузился в свои мысли, поэтому не заметил, как случайно задел плечом какую-то девочку.

— Паш, ну больно ведь!

Он остановился, усилием воли заставил себя отвлечься от размышлений и посмотрел на Надю Строгановскую.

— Прости, я неспециально.

— Да я уже поняла! — Она привычным движением перекинула назад темную прядь красивых длинных волос. — Ты вечером сегодня с родителями придешь, или я опять буду единственной свежей кровью?

— Сегодня? — Паша непонимающе нахмурился, а потом вспомнил: — Ты представляешь, забыл совсем. Буду, конечно, куда я денусь... Мать истерику устроит, если я откажусь идти к вам на прием! — Паша не понимал, почему мама так настойчиво таскала его на все мероприятия.

— И Дима будет?

— Понятия не имею.

— Увидимся тогда, — кивнула Надя и пошла дальше.

В элитной гимназии родители многих учеников были знакомы между собой — вели вместе

бизнес или налаживали друг с другом деловые связи, но родителей Паши, Димы Декабристова и Нади еще с институтских времен связывала крепкая дружба. Дружба эта не перешла по наследству их детям, хотя Надя, придумавшая себе красивую картинку, пыталась наладить теплые отношения с мальчиками, но ничего не вышло: они выросли слишком разными. Теперь ребята иногда перекидывались несколькими фразами на всех родительских мероприятиях и практически не общались вне их.

Вернувшись после уроков домой, Паша бросил сумку в коридоре и прошел на кухню, где его младшая сестра Лиля пила чай.

— Где все? — спросил он.

— Мама в салоне, готовится к приему, а папа работает в кабинете, просил к нему не лезть, — отозвалась Лиля, лениво переворачивая страницу глянцевого журнала.

— А лазанью кто готовил? Мама? — Паша недоверчиво покосился на аппетитное блюдо.

— Что ты, нет конечно! Тетя Галя.

— Это хорошо.

Последнее время маму тянуло к домашнему очагу, она даже несколько раз самостоятельно готовила ужин, который вся семья, старательно улыбаясь, пыталась проглотить быстро, чтобы не почувствовать вкуса. А тетю Галю мама наняла, чтобы та помогала ей по дому. Простая, милая женщина хорошо готовила и не изобра-

жала из себя заботливую бабушку, чем вполне устраивала хозяйских детей.

Паша принялся за еду, а Лиля молча листала журнал. Вдруг шелест страниц прекратился.

Паша доел, оставил грязную посуду на столе (тетя Галя уберет) и встал, чтобы приготовить чай. Пока ждал, когда закипит вода, бросил взгляд на журнал через плечо сестры.

— «36 вопросов, чтобы влюбиться», — прочитал он название статьи, которая так заинтересовала Лилю. — У тебя что, гормоны заиграли? Кому собралась допрос с пристрастием устраивать?

— Да отстань ты, — нетерпеливо отозвалась сестра.

Паша в молчании пил чай и размышлял, принимать участие в конкурсе или даже пытаться не стоит.

«Может, если удастся победить, родители перестанут считать мое увлечение наукой бесперспективным? — думал он. — Участвовать? Нет? И если все-таки решаться, то какую тему брать?»

Задумавшись, он не услышал, как сестра несколько раз позвала его по имени, очнулся, только когда Лиля нетерпеливо кинула в него конфеткой.

— Чего тебе? — буркнул он, разворачивая фантик прилетевшей сладости.

— Пашка, вот ты же много знаешь... Скажи, а это может быть правдой?

— Что?

— Ну эти 36 вопросов... Влюбиться получится?

Сначала Паша хотел рассмеяться, а потом вдруг задумался.

— Вообще-то, ты знаешь, влюбленность — это очень сложный химико-биологический процесс, который протекает в мозгу. Гипоталамус...

— Фу, какая скука! Ты как-нибудь попроще можешь ответить?

— Да, теоретически можно. Только очень много факторов должно сойтись.

— Какие, например?

— Ну как минимум потенциальную пассивность должен одобрить твой социальный мозг. В твоей голове есть представления об общественных нормах, воспитании, заложены какие-то принципы и идеалы. Человек должен подходить под те критерии, которые заложили в тебе общество и культура. Не вступишь же ты в африканского дикаря, у которого через нос косточка продета! У вас разные представления о культуре, эстетике и о многих других важных вещах. Он просто не соответствует твоим представлениям, твоим нормам... Эти вопросы, — становясь с каждым словом задумчивее, продолжал Паша, — как я понимаю, затрагивают очень личные моменты и позволяют создать между двумя людьми ощущение привязанности, вырабатываются дофамин и окситоцин...

— Ску-у-ука! — протянула сестра.

— Погоди, — Паша мотнул головой и убежал в коридор, где бросил сумку, вытащил первую попавшуюся тетрадь, ручку, вернулся на кухню и стал что-то записывать. Через несколько минут он остановился и поднял голову: — Лилька, это может быть правдой, вполне. Надо проверить! Проверить!

— Чего ты обрадовался-то так? Чай сейчас разольешь от восторга.

— Лилек, я придумал, понимаешь, придумал тему!

— Какую тему?

Но Паша уже не слышал сестру. Он ушел к себе в комнату, закрылся и принялся листать учебники по биологии, стараясь найти как можно больше информации о работе мозга. Уже и не думал он про экзамены, нехватку времени и неодобрение родителей, только научный интерес и азарт владели им.

Надя чувствовала, что ноги ее дрожат от напряжения, но продолжила все так же технически идеально поднимать ногу, обтянутую в белую ткань колготок.

— Раз, два, три — и закончили, — разносилось по зеркальному залу.

Все девочки с облегчением вернули ногу в первую позицию.

— Сделаем плие и можете быть свободны, — сказала Ольга Николаевна, худая высокая женщина, к спине которой словно всегда была привязана палка.